

НАШИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ СЪ 1848 ГОДА

I

Въ 1848 году умеръ Бѣлинскій.

Есть смерти, которыя, какъ онѣ ни горестны, имѣютъ все-таки огромное значеніе уже тѣмъ самымъ, что освѣщаютъ положеніе дѣлъ, проводятъ черту раздѣленія между разнородными, но дотолѣ смѣшанными группами фактовъ жизни...

Бѣлинскій умеръ въ ту минуту своего развитія, -- а его развитіе какъ геніальнаго человѣка было фокусомъ, отражавшимъ наше общее развитіе, -- когда направление, котораго онъ былъ жрецомъ и провозвѣстникомъ, дошло до своихъ геркулесовыхъ столповъ, ударилося въ стѣну. Дальше идти было некуда -- начинались уже отступленія. Великій борецъ палъ истощенный только физически, ибо по живучей и страстной природѣ своей онъ сумѣлъ бы смѣло прорваться за геркулесовы столпы, но тѣмъ не менѣе онъ палъ. Направленіе похоронило въ немъ главу и предводителя...

Мрачны, скудны и скорбны были эти похороны, ибо мрачна и скорбна была самая минута эпохи. Мысль, воспитавшаяся въ потаенной и отчаянной борьбѣ съ гнетомъ и давленіемъ, дошла до крайнихъ предѣловъ отрицанія -- но до крайнихъ же предѣловъ своихъ дошолъ и гнетъ. Тяжело было дышать въ спертomъ и гадкомъ воздухѣ.

То была тьма непроходимая, въ которой свои не признавали своихъ. Вспомните гробовое молчаніе у гроба великаго бойца: въ минуту смерти его помянулъ словомъ сочувствія, очевиднаго сквозь казенщину брани, -- только одинъ изъ такъ-называемыхъ враговъ его, Погодинъ, въ своемъ "Москвитянинѣ". Странное было время, когда благороднѣйшіе по мысли люди могли высказывать симпатію только подъ прикрытіемъ условныхъ упрековъ, пролить горячую слезу только подъ условіемъ сохраненія форменнаго выраженія фізіономіи. Какъ не похоже оно на то время, въ которое живемъ мы, въ которое по поводу смерти Хомякова, одинъ изъ вѣчныхъ опонентовъ и такъ-называемыхъ враговъ покойнаго заключилъ свое симпатически-горячее возвѣстіе о его смерти своими какъ и всегда полновѣсными словами: "Плохо воспоминаетъ нашъ сѣверъ своихъ лучшихъ людей!"

Молодому поколѣнію, воспитавшемуся подъ иными условіями, уже многое непонятно въ той эпохѣ, которую пережили мы; послѣдующему поколѣнію эта эпоха будетъ еще непонятнѣе. Ея страданія, ея глухая и потаенная борьба, крайности, до которыхъ доходила она въ своихъ подавленныхъ и тѣмъ болѣе упорныхъ стремленіяхъ -- ея болѣзненные реакціи... все это отойдетъ скоро, если уже не отходить въ область чисто историческаго вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, административною централизаціею и бумажнымъ закрытымъ судопроизводствомъ... Въ ней, въ этой мрачной эпохѣ, все -- борьба, борьба мысли съ фактомъ.

И мысль и фактъ идутъ до своей крайней логической послѣдовательности. Еще въ тридцатые годы, несмотря на то что эти годы недалеки отъ катастрофы 1825 года, мысль временами выражается довольно прямо и стало-быть довольно спокойно: въ "Молвѣ" напрімѣръ, издававшейся при "Телескопѣ", попадаются нерѣдко смѣлыя и вмѣстѣ совершенно разумныя замѣтки о разныхъ недостаткахъ общественнаго порядка, и фактъ, хотя уже обуянный паникой, допускаетъ иногда прямое выраженіе мысли по множеству вопросовъ жизни... но онъ, фактъ, всегда на сторожѣ, всегда накрываетъ en flagrant delit мысль, какъ только она выразится слишкомъ рѣзко. "Европеецъ" Кирѣевскаго не доживаетъ до третьяго номера: "Телеграфъ" кончаетъ свою шумную жизнь на статьѣ объ одной изъ драмъ г. Кукольника, совершившей три чуда разомъ, -- статьѣ совершенно впрочемъ неважной съ нашей теперешней точки зрѣнія... "Телескопъ" умираетъ не своею смертію съ знаменитой статьей Чаадаева... Паника усиливается въ мысли. То и другое -- дѣло понятное, равно какъ понятны и послѣдствія этого. Фактъ давить, мысль изъ-подъ него рвется всѣми возможными и невозможными дорогами.

Въ минуту, когда умиралъ Бѣлинскій, въ литературѣ нашей, т.-е. въ выраженіи нашего сознанія,